УДК 16, 124.5, 172.12

Глобализация и процессы кодификации научной коммуникации

С.А. Михайлина

Национальный исследовательский университет «МИЭТ»

Прослеживается связь между глобализацией и универсализацией коммуникативных норм и принципов, представленной прежде всего в этосе науки. Практика кодификации этических и коммуникативных регулятивов современной науки задает образец межкультурного диалога в глобализирующемся обществе и способна повлиять на становление этики солидарной ответственности. Глобальные вызовы человечеству приводят к необходимости выработки универсальных культурных регулятивов взаимодействия, понимания глобальной ответственности обществ, находящихся на разных стадиях развития и принадлежащих к различным культурам.

Ключевые слова: коммуникация, глобальная ответственность, этос науки, универсальная этика, кодификация, ценности науки.

Научная рациональность формирует на этапе институциализации как универсальные эпистемологические ценности , нормы и принципы языка (логико-семантические правила дискурса Р. Алекси и Ю. Хабермаса), так и правила взаимодействия членов научного сообщества, что находит выражение в кодификации, то есть формировании сводов (кодексов) регулятивов, разработанных в концепции этоса науки (Р. Мертон и другие).

Примером философского осмысления проблемы выработки общих нормативных оснований взаимодействия является планетарная этика ответственности немецкого философа Карла-Отто Апеля. По замыслу автора она формируется на основе *дискурсивной этики*, которая, исследуя нормативные коллизии коммуникации, нацелена на выявление форм социальной практики, способствующих постепенной реализации принципов идеального коммуникативного сообщества в реальном социуме . Основные положения д искурсивной этики представлены в фундаментальной работе К.-О. Апеля «Дискурс и ответственность: проблема перехода к постконвенциональной морали ». Эта концепция относится (наряду с теорией справедливости Дж. Ролза и концепцией логики развития морального

сознания Л. Кольберга) к современным реконструкциям кантовского универсализма.

Подвергаемые кризисам и трансформации ценности и институты традиционного общества «не содержат механизмов адекватного реагирования на проблемы глобального уровня, не обладает такими механизмами и традиционная мораль» [5, С. 7]. Человеческое отношение к природе в этой ситуации создает новые этические проблемы, которые являются вызовом сложившимся «партикулярным моральным традициям и привычкам», считает К.-О. Апель. В эпоху глобальных угроз (в том числе – распространения и совершенствования оружия массового уничтожения) вероятные последствия действий человека (прежде всего ученого) превышают возможность контроля его поведения традиционными, привычными средствами, подтвержденными эмоциональными механизмами. Опосредованные (дистанционные) интеракции в значительной степени вытесняют взаимодействие «лицом-к-лицу», для которого могут работать чувственно - эмоциональные механизмы сдерживания агрессии. Поэтому современный человек, по утверждению Апеля, вынужден обращаться к нормативным принципам универсальной этики, т.е. к принципам разума, которые через повседневное соблюдение этих принципов могут признаваться по аналогии с неизменными законами природы. «В своем требовании универсализации норм Апель отказывает в моральной значимости всем тем конвенциональным теориям - институциональным, договорным, традиционным, - в которых норма может служить «соглашением» между участниками, неприемлемым для всех других участников (принципиально безграничного) сообщества заинтересованных» [5, С.23]. В своей концепции Апель исходит из различения трех измерений морали. *Микромораль* – традиционная «мораль заповедей» регулирует непосредственные взаимодействия ближних, те нравственно-психологические человеческие отношения, которые мало меняются со временем. Здесь должны продолжать доминировать традиции различных культур. В *мезоморали* возникает ответственность в сфере отношений сообществ и институтов. Традиционная мораль сформировала здесь образцы этических комплексов, например, хозяина, политика, лидера и т.д. При этом в различных воинских, сословных кодексах представлена лишь адаптация установок микроморали к задачам общегосударственных «резонов». *Макромораль* должна формироваться перед лицом глобальных вызовов, несущих угрозу

человечеству как целому; это сфера ответственности за судьбу всего человечества, включая прошлые и будущие поколения. Планетарная макроэтика – это этика ответственности как «со-ответственности» (Makroethik der Mitverantwortung) [см. 10].

Итак, универсальная этика, по Апелю, фокусируется на утверждении равенства всех в коммуникации: «каждый *возможный* участник становится тем самым *полноценным* участником дискурса, интересами которого невозможно пренебречь» [5, С. 204]; а также свободы и достоинства личности в идеальном коммуникативном сообществе. Ограничение информации, неравенство по отношению к информационным ресурсам, неразвитость структур и норм коммуникации в условиях глобальных размерностей (пространственно-временных) характеризуются с точки зрения Апеля, как этически ущербные, а качество, доступность, глубина информации становятся релевантными нормами общественной жизни.

В современных социально философских концепциях коммуникация признается основополагающим фактором социальной жизни. Н. Луман считает, что коммуникация ответственна за внутрисистемное развитие; Ю.Хабермас утверждает, что коммуникация определяет общественное действие. Коммуникативное действие включает в себя, по Хабермасу, все виды взаимодействий, которые осуществляются совместно и согласованно с другими людьми на фоне символически истолкованного жизненного мира, культурных смыслов, которые зачастую не поддаются проблематизации. Жизненный мир – это интуитивно принимаемый участниками коммуникации контекст ситуации действия. Принцип универсализации, согласно Ю. Хабермасу, основан на том, что норма, претендующая на значимость, должна быть признана (одобрена) таковой всеми участниками дискурса. К условиям процесса коммуникации Хабермас относит: иммунитет против подавления и неравенства, симметричность коммуникации, руководство одним мотивом: совместного поиска истины. Примером универсальных норм коммуникации могут служить логико-семантические правила дискурса, предложенные Р. Алекси, с которыми Ю. Хабермас соглашается:

1. Ни один говорящий не должен противоречить себе.
2. Каждый говорящий, применяющий предикат *F* к предмету *a*, должен быть готов применить предикат *F* к любому другому предмету, который во всех релевантных отношениях равен *a*.

3. Разные говорящие не должны использовать одно и то же выражение, придавая ему различные значения.

4. Каждый говорящий может говорить только то, во что он сам верит.

5. Тот, кто прибегает к высказыванию или норме, не относящимся к предмету дискуссии, должен привести основание для этого.

6. Каждый, владеющий языком и дееспособный субъект может принять участие в дискурсе.

7. Каждый может ставить под вопрос любое утверждение.

8. Каждый может вводить в дискурс любое утверждение.

9. Каждый может выражать свои установки, желания и потребности.

10. Никакое принуждение, господствующее вне или внутри дискурса, не должно мешать никому из говорящих реализовать свои права, определенные в пунктах 6 и 7 [9, С. 137-140].

В критериях и этосе научного сообщества основополагающей становится логика аргументации в диалектическом процессе взаимного признания участников коммуникации и достижения согласия внутри сообщества. В подобном подходе универсальные нормы сообщества переосмысливаются уже как правила, «выполняющие функцию тех трансцендентальных условий, которые делают возможной саму коммуникацию» [6, С. 73].

Системная интеграция, институционализация общества влечет за собой формирование новых коммуникативных каналов, а значит, с необходимостью - развитие интерсубъективности. Гармонизация жизненного мира и развивающихся социальных структур возможна на пути включения в коммуникативный обмен институтов в рамках гражданского общества, которое является институциональным коррелятом коммуникативного сообщества [5, С. 220-223].

К.-О. Апель показывает общность эпистемологических, логических и моральных норм, которые являются нормами рациональной коммуникации и определяют разумные отношения между субъектами, культуру диалога. Последняя выступает особой ценностью в глобализирующемся социуме.

Правила коммуникации, выработанные в практике дискурса, в становлении науки как социального института, естественным образом могут претендовать на основания кодификации норм сообществ, вовлеченных в процессы глобализации.

Еще в древней Индии институт философского диспута получил значительное развитие и определенную кодификацию. Например, согласно бытовавшим тогда поведенческим нормам, побежденный в диспуте должен был принять учение победителя; существовало правило ограничения спора одним единственным тезисом, необязательно принципиальным для содержания учения [7]. Нормы беседы на культурно значимые темы оказались очень устойчивыми, сохранились на протяжении средневековья и оказали влияние на жанровые формы философской литературы. «Важнейшим элементом кодифицированности было наличие небольшого числа достаточно определенных ситуационных ролей, в которых мог выступать человек, участвующий в диалоге» [7, С. 22]. Например, роль «нейтрально-любопытствующего» позволяла задавать вопросы, а получив ответ, не выказывать к нему какое-либо отношение – согласие или неодобрение. Роль «ученика» предполагала изначальное доверие к компетенции адресата, воздержание от спора, критики и т.п. Роль «самостоятельного мыслителя», зрелого приверженца учения давала возможность участвовать в споре в форме поединка индивидов, владеющих правилами диспута, логикой, наделенных находчивостью, хладнокровием. Возникает даже такое явление как беспринципный спорщик, что говорит обособленности и развитости спора как социального института. Известно, что «слово Будды» было адаптировано к интересам и возможностям аудитории, к которой оно обращено. «Перед простыми мирянами он рассуждал в категориях «выгодно-невыгодно», монахам говорил об освобождении от перерождений; с теми, кто практиковал йогу, вел беседы о разных стадиях медитации…». К «разумным мужьям» (брахманам, правителям, желающим обрести мудрость, к скептикам, жаждущим обрести «твердую почву») Будда же обращался, используя философские аргументы, логически связные объяснения [7, С.22].

Можно сказать, что намечаются первые образцы дискурса, кодифицированного на основании ценностей, интересов и запросов определенных социальных групп традиционного (закрытого) общества. Дискуссии между представителями разных религиозных общин «дали импульс общеиндийской традиции полемики, сыгравшей решающую роль в развитии индийской систематической философии» [3, С.10].

Аристотель в «Риторике» также отмечает роль языка как средства развития этоса, его нацеленность на достижение эффективной коммуникации с другими людьми [6, С.55].

Научная рациональность, развиваясь, формирует универсальные эпистемологические ценности, нормы и принципы языка, дискурса, а также и правила взаимодействия членов научного сообщества. Базовыми принципами научного этоса являются разумность, ответственность и универсальная значимость действий субъекта, которые не является необходимой составляющей социальной жизни, проходящей, как правило, в рамках социальных стереотипов, традиций и иррациональных привычек. «Рациональность подразумевает предельное обоснование правила действия, т.е. его сводимость к базовым (т.е. общепонятным и общезначимым) нормам. Универсальность вытекает из рациональности, поскольку указанная сводимость и делает правило универсальным» [см. 1]. Наиболее известный универсальный этический кодекс научного сообщества современности был сформулирован в рамках концепции этоса науки Р.К. Мертона. Этосом науки Мертон называет «эмоционально насыщенный комплекс ценностей и норм, разделяемых учеными. Эти нормы выражаются в форме предписаний, запретов, предпочтений и разрешений. Они легитимизируются в терминах институциональных ценностей» [2, С.148]. Этос науки создается четырьмя множествами институциональных императивов — универсализмом, «коммунизмом», внезаинтересованностью (бескорыстностью) и организованным скептицизмом. Позднее последователь Мертона Б. Барбер добавил к ним «рационализм» (проявлять «основной интерес к реальным явлениям мира и природы, а не к …таким вещам, как сверхъестественное спасение) и «эмоциональную нейтральность». Кстати, источником неписаного кодекса норм Б. Барбер считает консенсус большого числа исследователей и нравственных авторитетов, попытавшихся определить эти нормы. Систему норм Мертона стали записывать как «CUDOS» по первым буквам каждой из них. Такое сочетание букв представляло собой осмысленное слово (акроним): cudo означает на студенческом сленге славу, почет, престиж, всеобщее признание; во множественном числе cudos – это премия, награда, похвала. В целом акроним CUDOS можно понимать как «структуру вознаграждения».

C – *Communism*: коммунитаризм, коллективизм. Результаты исследования являются общественной собственностью, они не должны утаиваться от других исследователей, их публикуют в полном объеме. Ученые должны считать себя людьми, вносящими вклад в общую копилку знаний научного сообщества.

U – *Universalism*: универсализм. Оценка научного результата основывается на достоверности, подтверждаемой принятыми процедурами, на внеперсональном уровне (без предрассудков по отношению к этнической, расовой принадлежности исследователя, его полу, научной репутации, отнесенности к научной школе и т.п.).

D – *Disinterestedness*: незаинтересованность, бескорыстность. На результаты исследования не должны влиять вненаучные интересы (религиозные, экономические, политические или личного характера). Данный императив предписывает ученому строить свою деятельность таким образом, будто кроме постижения истины у него нет других интересов.

OS – *Organized Skepticism*: организованный скептицизм. Ученые обязаны быть критичными как по отношению к работе других, так и к собственной работе. Возможные сомнения и пробелы в исследованиях, источники ошибок, должны выноситься на публику. Момент отрицания полученных результатов является неустранимым элементом научного поиска. Императив организованного скептицизма создает атмосферу ответственности, институционально подкрепляет профессиональную честность ученых.

Взаимовыгодные отношения: вознаграждение, профессиональное признание в обмен на научные достижения, - делают систему норм реально действующей (иными словами, - создается институционализированная мотивация, ориентирующая ученых на конформность этосу науки). Реальные взаимодействия ученых могут существенно отличатся от отношений, предписанных императивами, которые в свою очередь рациональны для функционирования науки. Для описания реального поведения ученых Р. Мертон и Э. Барбер позднее вводят девять пар амбивалентных нормативных принципов, так как человек науки в профессиональной повседневной деятельности находится в состоянии напряженного выбора между полярными императивами, обусловленными противоречием между идеалом автономности (свободы) научного поиска и социальным запросом и

коммерческим заказом в рамках рыночных отношений. Ученый может быть продуктивным, ориентируясь на диалектически парные регулятивы:

1. как можно быстрее передавать свои научные результаты коллегам, но он не торопиться с публикациями;

2. быть восприимчивым к новым идеям, но не поддаваться интеллектуальной «моде»;

3. стремиться добывать такое знание, которое получит высокую оценку коллег, но работать все же, не обращая внимания на оценки других;

4. защищать новые идеи, но не поддерживать опрометчивые заключения;

5. прилагать максимум усилий, чтобы знать относящиеся к его области работы, но при этом помнить, что эрудиция иногда тормозит творчество;

6. оставаться тщательным в формулировках и деталях, но не впадать в педантизм, ибо это идет в ущерб содержанию;

7. всегда помнить, что знание универсально, но не забывать, что всякое открытие делает честь нации, представителем которой оно совершено;

8. воспитывать новое поколение ученых, но не отдавать обучению слишком много внимания и времени;

9. учиться у крупного мастера и подражать ему, но не походить на него [4, С.129].

По мнению П. Штомпки, в концепции этоса науки Р.Мертона доминирующими нормами являются три принципа: *объективность*, *оригинальность* и *релевантность*, а четыре императива «*CUDOS*» скорее подчинены им. Внутренняя организация науки и ее взаимодействия с обществом подвержены историческим изменениям, также и этические императивы, соответствующие науке разных периодов, не остаются постоянными. Мертоновский этос науки – модель, которую можно скорее отнести к классическому типу научной рациональности. Современная научная деятельность (преобладание прикладных исследований с их целевым финансированием, огромные масштабы «закрытых» исследований и т.п.) уже не в состоянии регулироваться такими императивами как «бескорыстность», «коллективизм» и т.д. Прежняя система норм остается действенной (с оговорками) в формате академической или университетской науки, ведущей фундаментальные исследования. При этом мертоновский подход к проблеме нормативности в научной деятельности служит своеобразным «охранным механизмом» для

фундаментальной науки (а значит, и для науки в целом), поддерживающим менталитет людей, искренне преданных науке, прежде всего – как творческому поиску нового знания [2; 4]. Американский науковед Дж. Займен предложил перечень норм научного сообщества постакадемического периода (т.е. периода, когда наука становится коллективным предприятием, организационным содружеством с финансовыми и государственными институциями, структурами). В нем во главу угла ставится утилитарность, локальность, специфицированность. Именно в них Займен видит соответствие современным реалиям человеческой жизни, которые ведут к высшей степени прагматизма в восприятии мира.

Тем не менее, важно то, что этос науки конструируется не только из наборов технически рациональных операций (эпистемологические нормы), но должен включать в себя коммуникативные правила и четкие этические установления. По мнению Б. Барбера, идея рассматривать научные нормы как особую добродетель ученых вне связи с ценностями общества — есть нравственный провинциализм. Успехи науки, успешная презентация её этоса поощряют приверженность нравственным ценностям во всем обществе. Современная наука трансформирует идеал ценностно-нейтрального исследования, так как «объективно-истинное объяснение и описание применительно к «человекоразмерным» объектам не только допускает, но и предполагает включение аксиологических факторов в состав объясняющих положений» [8, С. 13]. Этос ученого – не только в содержании его концептуальных подходов, ориентированности на дискурсивную этику, но и в отношении к своей свободе, в готовности принять ответственность перед будущими поколениями.

«Коммуникативный поворот», связанный с переоценкой форм и методов коммуникации внутри научных сообществ, ориентирует на межкультурный диалог в глобальном измерении. А наука как институциональный субъект международного дискурса в большей степени способна повлиять на становление этики солидарной ответственности - этики глобализирующегося социума.

Литература

1. ***Гутнер Б.Г.*** Проблема риска и ответственности субъекта научной коммуникации. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора фило-

софских наук [Электронный ресурс] (дата обращения: 10.03.2012). М., 2008. Режим доступа: http://www.ceninauku.ru/page_20945.htm

2. ***Демина Н.В.*** Мертоновская концепция этоса науки: в поисках социальной геометрии // Этос науки (Коллективная монография: философия и социология науки) / РАН. Ин-т философии; Ин-т истории естествознания и техники. Отв. ред. Л.П. Киященко и Е.З. Мирская. М.: Academia, 2008. С. 144-165.

3. ***Лысенко В.Г***. Чувственное и рациональное познание: Индия и Запад (принципы сравнительного анализа) // Философский журнал. М.: ИФ РАН, 2010. № 2. С. 5-16.

4. ***Мирская Е.З.*** Этос науки: идеальные регулятивы и повседневные реалии // Этос науки (Коллективная монография: философия и социология науки) / РАН. Ин-т философии; Ин-т истории естествознания и техники. Отв. ред. Л.П. Киященко и Е.З. Мирская. М.: Academia, 2008. С.122-143.

5. ***Назарчук А.В.*** Этика глобализирующегося сообщества. М.: Директмедиа Паблишинг, 2002. 381 с.

6. ***Огурцов А.П.*** От нормативного Разума к коммуникативной рациональности // Этос науки. (Коллективная монография: философия и социология науки) Отв. Ред. Л.П. Киященко и Е.З. Мирская. М.: Academia, 2008. С. 48-86.

7. ***Парибок А.В.*** Предисловие // «Вопросы Милинды». М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1989. С. 9-27.

8. ***Степин В.С.*** Ценностные основы и исторические перспективы техногенной цивилизации // Науковедение. М. 1999. № 1. С. 13–28.

9. ***Хабермас Ю.*** Моральное сознание и коммуникативное действие / пер. с нем. под ред. Д.В. Скляднева. СПб.: Наука, 2000. 739 с.

10. ***Apel K.***-0. Das Problem einer universalistischen Makroethik der Mitverantwortung // Dt. Zeitschrift f. Philosophie. - № 41. - 1993. - С. 201-215.

Михайлина Светлана Анатольевна **–** кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социологии МИЭТ.